

УДК 1 (091)

ББК 87.3(2)53-592.1: 87.6

Амелина Елена Михайловна

Государственный университет управления, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, Россия, Москва, e-mail: em-amelina@yandex.ru

Государство и национальная культура в творчестве П.Б. Струве (к 150-летию со дня рождения)

Анализируются взгляды известного философа, социолога и политика П.Б. Струве, чьи идеи имеют непреходящую актуальность в осмыслении задач сохранения государственного единства, развития культуры и национального самосознания. Главным объектом исследования являются его представления о сущности государства, национальной культуре и их роли в жизни России. Указывается, что позиция мыслителя предполагала определенную историософию – трактовку истории как процесса развития духовной культуры. Рассматриваются особенности либерального консерватизма П.Б. Струве и его понимание государства как «коллективной личности», обладающей «сверхразумной» природой. Анализируется подход философа к пониманию неразрывной связи государства, культуры и национальности. Рассматриваются представления мыслителя о сущности национальности и национализма, а также критика им «казенного национализма» и «безнародности» радикальной интеллигенции. Рассмотрены взгляды философа на выдающуюся роль государства в истечественной истории и понимание им «роковых» причин его гибели: отстранение культурных слоёв дворянства от управления государством и поздняя отмена крепостного права. Объясняется отношение П.Б. Струве к лозунгу классовой борьбы как к решающему в деле культурного разложения нации и подрыва государственного единства. Рассматриваются взгляды П.Б. Струве, Г.П. Федотова, С.Л. Франка на причины слабости русского национального самосознания. В заключение обозначена позиция мыслителя, согласно которой одной из причин революционных радикальных потрясений в стране стало отравление широких народных масс идейным ядом «антигосударственного отщепенства» радикальной интеллигенции и «духом большевизма», что привело к невосребованности национально-государственных идеалов и либерально-консервативных идей.

Ключевые слова: национальная культура, радикальная интеллигенция, либеральный консерватизм, национальность, национализм, национальное самосознание, культурная индивидуальность, национальное возрождение

Amelina Elena Mihailovna

State University of Management, doctor of philosophy, Professor Professor of the Departement of philosophy, Russia, Moscow, e-mail: em-amelina@yandex.ru

State and national culture in P.B. Struve's writings (on the occasion of the 150th anniversary of his birth)

The author analyzes the views of the famous philosopher, sociologist and politician Petr Struve, whose ideas have enduring relevance in view of the problems of maintaining state unity and developing

both culture and national identity. The main object of this research is Struve's views on the essence of the state and national culture and on their role in the life of Russia. It is indicated that the position of the thinker presupposed a certain historiosophy – an interpretation of history as a process of development of spiritual culture. The features of Peter Struve's liberal-conservatism and his understanding of the state as a "collective personality", possessing a "superintelligent" nature are considered. The philosopher's approach, which aimed at analyzing the seamless connection between state, culture and nationality is analyzed. The author considers how the thinker interpreted the essence of nationality and nationalism, as well as criticized the radical intelligentsia's "official nationalism" and "absence of a feeling of national belonging". She examines the philosopher's views on the outstanding role of the state in Russian history and his understanding of such "fatal" reasons of its destruction as the insufficient involvement of the cultivated elements of the nobility in the ruling of the state as well as the belated abolition of serfdom law. The author also explains Struve's views on the slogan of class struggle as decisively contributing to the cultural decomposition of the nation and to undermining the unity of the state. She also addresses the views of P.B. Struve, G.P. Fedotov and S.L. Frank concerning the reasons why the sense of national identity was weak in Russia. She concludes that, according to Struve, one of the reasons for the revolutionary radical upheavals in the country was the fact that the radical intelligentsia sowed in the broad masses of the people the ideological poison of "anti-state rebellion" and the "spirit of Bolshevism". This contributed to a weak demand for national-state ideals and liberal-conservative ideas.

Key words: *national culture, radical intelligentsia, liberal conservatism, nationality, nationalism, national identity, cultural identity, national revival*

DOI: 10.17588/2076-9210.2020.4.094-107

Практика политической жизни России, дважды пережившей в XX веке насильственный слом государственности, показала, что этот процесс ведет к колоссальным потерям, культурной и экономической деградации, национальной травме, которую приходится преодолевать десятилетиями. Сейчас перед страной стоят большие конструктивные и созидательные задачи. Их реализация невозможна без опоры на мировоззрение, в центре которого созидательная роль государства и общество как органическое целое, призванное развиваться спокойно, без радикальных взрывов и шоковых травм, творчески преображая исторические традиции и уважая свободу и достоинство гражданина. В этом контексте особенно важен анализ мировоззрения мыслителей, которые в разные периоды развития страны предлагали конструктивные компромиссные решения, мирно преодолевающие кризисные процессы. К таким мыслителям относились представители отечественной школы консервативного либерализма, выступавшие с культурно созидающих позиций. Это П.И. Новгородцев, С.Л. Франк, И.А. Ильин и др. Их взгляды вполне могут быть востребованы современным социальным знанием и социальной практикой как эвристически ценный опыт понимания закономерностей исторического развития России. Одним из выдающихся представителей этого идейного направления был П.Б. Струве.

В отечественной литературе социально-политическим и философским взглядам П.Б. Струве уделялось и уделяется значительное внимание¹. В прове-

¹ См.: Гайденок П.П. Под знаком меры (либеральный консерватизм П.Б. Струве) // Вопросы философии. 1992. № 12. С. 54–62 [1]; Гнатюк О.Л. П.Б. Струве как социальный мыслитель. СПб.:

денных исследованиях затрагиваются разнообразные стороны творчества мыслителя, особенности различных периодов эволюции его взглядов и политико-публицистической деятельности. Объектом нашего внимания станет ещё недостаточно изученная специфика понимания ученым взаимосвязи государства и национальной культуры. Общеметодологической базой анализа является принцип историзма, а также метод рациональной реконструкции. Важной теоретической предпосылкой исследования является понимание общества как целостности и трактовка духовной сферы как важнейшего и активного фактора его развития.

Петр Бернгардович Струве (1870–1944) – видный отечественный социолог, философ, правовед, экономист, крупный общественный деятель, член партии кадетов, один из авторов сборников «Проблемы идеализма» (1902 г.), «Вехи» (1909 г.), «Из глубины» (1918 г.). Жизненный путь мыслителя рисует нам человека, постоянно находящегося в творческом поиске, теоретика и активного политического деятеля. Он окончил юридический факультет Петербургского университета, увлекся марксистскими идеями и со временем, стал идеологом «легального марксизма». Взгляды П.Б. Струве не переставали развиваться. Они эволюционировали к неокантианству, а затем к идеализму. Сильное влияние на него оказали традиции русского философствования, в том числе В.С. Соловьев, личность которого представляла, по его мнению, «изумительный экземпляр русской даровитости». С 1905 по 1915 год П.Б. Струве член ЦК партии кадетов. Революционные процессы 1905 года порождают у него мысль о возможности социальной катастрофы, которая сметет и личную свободу, и культуру, и национальную государственность. Это побудило его в период второй государственной думы (1907 г.) вести компромиссные переговоры с властью. Факт переговоров П.Б. Струве и других правых кадетов с П.А. Столыпиным был предан огласке, что вынудило его прекратить свое членство в партии. В своих политических симпатиях мыслитель был сторонником идеи либерализма и правового государства. Философ постоянно находился в центре теоретических дискуссий, в том числе, по проблемам национализма и патриотизма, ставшим особо актуальными в связи с началом Первой мировой войны. В них, наряду с П.Б. Струве, принимали участие Д.Д. Муретов, Е.Н. Трубецкой, Н.А. Бердяев,

---

Изд-во СПбГУ, 1998. 375 с. [2]; Головин Я.Б. Философские и социальные воззрения С.Б. Струве: автореф. ... канд. дисс. М.: МГУ, 2001. 22 с. [3]; Жуков В.Н. Струве П.Б. // Русская философия. Энциклопедия. М.: Мир философии, 2020. С. 692–694 [4]; Кантор В.К. Петр Струве: Великая Россия, или утопия, так и не ставшая реальностью // Вестник РХГА. 2010. Т. 11. Вып. 4. С. 161–178 [5]; Пайпс Р. Струве: левый либерал. 1870–1905. Т. 1. М.: Московская школа политических исследований, 2001. 552 с. [6]; Пайпс Р. Струве: правый либерал. 1905–1944. Т. 2. М.: Московская школа политических исследований, 2001. 680 с. [7]; Повилайтис В. Струве в эмиграции об истории и историческом познании // Известия Саратовского университета. Т. 10. Вып.2. Сер. Философия. Психология. Педагогика». 2010. С. 38–41 [8]; Пучкова И.С. Тема России у П.Б. Струве в журнале «Русская мысль»: автореф. ... канд. дис. СПб.: СПбГУ, 2008. 22 с. [9]; Хашковский А.В. Петр Бернгардович Струве (1870–1994) // Струве П.Б. Patriotica. Россия. Родина. Чужбина. СПб.: РХГИ, 2000. С. 323–349 [10].

В.В. Розанов и многие другие известные отечественные философы. Подробно и интересно сущность этих дискуссий раскрыта в работе А.А. Ермичева².

После революции 1917 года, которую он не принял, П.Б. Струве вел активную борьбу с Советской властью и стал одним из организаторов Добровольческой армии, членом правительства П.Н. Врангеля. В 1918 году он был вынужден эмигрировать. В эмиграции, сохранив идеалы консервативного либерализма, он увлекся монархическими идеями. Объектом его критики в этот период становятся национал-большевизм Н.В. Устрялова и евразийство, в которых он находил идеи коллаборационизма и большевистского ревизионизма.

Наше исследование посвящено важной теме творчества П.Б. Струве – теме государства и национальной культуры и их роли в жизни России. Анализ этой темы побуждает нас дать ответы на следующие вопросы. Как мыслитель понимал ход исторического процесса? Какую роль в историческом процессе играет, по его мнению, культура? В чем сущность государства? Что такое национальность и как она связана с государством? Как взаимосвязаны культура, государство и национальность? Каковы особенности государственного, социального и национального бытия России? Какие исторические и духовные факторы привели к революции и гибели государства? В чем смысл революции? Как возможно возрождение России? и др. Сложность рациональной реконструкции ответов на эти вопросы связана с тем, что мыслитель не ставил целью систематическое изложение своих взглядов. Его яркие мысли и идеи разбросаны в различных статьях и многочисленных публицистических изданиях.

Ключ к пониманию поставленных нами вопросов следует искать в философии истории П.Б. Струве. Его модель видения истории исходила из трактовки исторической эволюции как процесса развития и духовной, и материальной культуры, где первенство занимает культура духовная. Бытие культуры выступает у него как сфера, во многом самостоятельно детерминирующая историю. И хотя мыслитель признавал, что бытие имеет запредельные научному знанию горизонты, история для него – это в первую очередь результат земного творчества, а не сверхвременной божественный процесс, раскрывающий небесный промысел. Взгляды П.Б. Струве на ход исторического развития были далеки не только от сугубо религиозных, но и от позитивистских интерпретаций, сводящих социальное бытие к анализу фактов и социально-политических вопросов. История, с его точки зрения, создается духом и претворяется в жизнь социальными субъектами – свободными личностями, нациями, государствами. Характеризуя кризисные периоды политической истории, он подчеркивал, что применительно к ним нельзя сказать, что они «случились», так как «революции, реакции и контрреволюции всегда именно делаются»³, а не ниспосылают-

² См.: Ермичев А.А. Вопрос о патриотизме в русской мысли начала первой мировой войны // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2014. Том. 15, вып. 4. С. 179–190 [11].

³ См.: Струве П.Б. Дневник политика (1925–1935). М.: Русский путь; Париж: YMCA-Press, 2004. С. 184 [12].

ся. Так же, по его мнению, дело обстоит и в хозяйственной жизни, где ключевой фигурой является свободная воля хозяйствующего субъекта, его ответственность, мастерство, деловитость, дисциплина и т.п.

Если Макс Вебер (1864–1920) при характеристике процессов перехода европейского общества от традиционного к современному апеллировал к протестантской этике и «духу капитализма», то для П.Б. Струве инструментом анализа российского бытия начала XX века, завершившегося революцией и социалистической трансформацией, становятся такие понятия, как «дух большевизма», «дух безрелигиозного отщепенства», «дух уничтожения преемства», «дух злобы», «духовное оскудение», «духовное падение», «антигосударственный дух», «государственный дух», «дух государственной дисциплины», «национальный дух», «дух национального служения», «культурная индивидуальность», «культурная сила», «духовное содержание культуры», «духовное возрождение» и др. В любом случае духовная сфера жизни общества, порожденная своеобразием российского бытия, становится у него инструментом социального анализа. Он стремится понять и объяснить смысл происходящих революционных процессов, анализируя их с точки зрения культурных особенностей вовлеченных в русскую историю представителей крестьянства, интеллигенции, дворянства, чиновничества и т.д. Такой подход к объяснению исторического процесса связывает его понимание понятия «культура» с духовной деятельной сущностью человека.

П.Б. Струве рассматривал культуру не в статике, а в динамике, различая её как по характеру социальных общностей (сословных, национальных, классовых), так и по конкретным этапам исторического развития (допетровская эпоха, петровская эпоха и др.). Критерием полноценности культуры являлась для него её соотнесенность с высшей ценностью абсолютного добра, важной характеристикой уровня развития национальной культуры – свобода индивида. «Либерализм в чистой его форме, т.е. как признание неотъемлемых прав личности, – восклинул он, – и есть единственный вид истинного национализма, подлинного уважения и самоуважения национального духа, то есть признания прав его живых носителей и творцов на свободное творчество и искание» [13, с. 21–22]. Консервативная сторона взглядов П.Б. Струве выражалась в том убеждении, что традиция, историческая преемственность, появление нового из старого, есть неотъемлемый спутник свободы, и ни один социальный организм без серьёзного ущерба не терпит радикальной ломки и насильственных трансформаций. Жизненностью обладает лишь то, что вырастает в лоне традиции. Поэтому, объясняя неорганичность большевизма в России, философ ссылаясь на его оторванность от исторических традиций. «В нём (большевизме. – *Е.А.*), – пишет он, – слышится не только и не столько русская старина, сколько ядовитая европейская новизна, *dernie si* самой Европы ... Вообще все русские чрезмерности и уродства получаются от сопряжения русской дикости и озорства с западными ядами [12, с. 263]. Исходя из идеи преемственности исторических традиций, П.Б. Струве интерпретировал и роль Советской власти после революции. Она,

будучи чужеродной, вела, по его мнению, «хроническую гражданскую войну против настоящей России»⁴.

Культура и государство как форма её проявления – центр размышлений П.Б. Струве. Государство для мыслителя – это некая «коллективная личность», причем личность соборная, стоящая выше всякой личной воли. Вопреки внешней рациональности, природа государства, согласно философу, мистична и «сверхразумна». Она обнаруживается в подчинении огромного большинства людей государственной мощи. Мистичность государства реализуется через властвование, а это такая связь между людьми, которая «есть своего рода очарование или гипноз», ибо люди умирают на войне по приказу власти⁵. История человечества, считал П.Б. Струве, доказала, что выживает лишь сильное государство, а слабое – сходит с исторической арены, становясь добычей государств более сильных. Поэтому необходима забота о внешней силе государства, которая должна сочетаться со справедливостью в его внутренних отношениях. И хотя П.Б. Струве не был религиозным философом, он, сохраняя православную веру, был убежден в том, что сила государства связана с религиозным сознанием его членов. Государство как «таинственный сосуд национальной духовной и жизненной энергии», указывал он, «не должно отрываться от своих традиционных религиозных основ, без которых его мощь и величие вянут и корни его свободного бытия иссыхают»⁶.

Высшей своей мистичности, указывал философ, «государственное начало достигает именно тогда, когда сплетается и срастается с национальным началом»⁷. Национальное начало так же мистично, как и государство. Однако, «будучи более мягким», оно естественно и «без всякого принуждения, овладевает человеком». Мыслитель напоминал, что в европейской истории возникновение национальности предшествовало возникновению крупных государств. Итальянское и германское государства стали следствием возникновения итальянской и германской наций. И если нация есть «культурная индивидуальность», проявляющая себя в культурном творчестве, то государство есть «культурная сила», способствующая образованию и дальнейшему развитию нации. Подчеркивая тесную взаимосвязь между национальной культурой и государством, П.Б. Струве в качестве подтверждения указывал на Германию. «Бисмарк и объединенная Германия, – писал он, – были невозможны без Шиллера и Гете, Канта и Фихте ... без романтики... Великая национальная культура предвосхитила и подготовила великое государственное объединение» [15, с. 68].

Понимание национального начала ассоциировалось в представлениях П.Б. Струве не с цветом кожи или кровной принадлежностью, а с духовными притяжениями и отталкиваниями, которые живут в народной душе и культуре.

⁴ См.: Струве П.Б. Дневник политика (1925–1935). С. 15.

⁵ См.: Струве П.Б. О государстве // Струве П.Б. *Patriotica*. Россия. Родина. Чужбина. СПб.: РХГИ, 2000. С. 52 [14].

⁶ См.: Струве П.Б. Дневник политика (1925–1935). С. 124.

⁷ См.: Струве П.Б. О государстве // Струве П.Б. *Patriotica*. Россия. Родина. С. 55.

«В основе нации, – писал он, – всегда лежит культурная общность в прошлом, настоящем и будущем, общее культурное наследие, общая культурная работа, общие культурные чаяния... . Ценность и сила нации есть ценность и сила её культуры, измеряемая тем, что можно назвать культурным творчеством» [14, с. 54–55]. Многонародность России П.Б. Струве рассматривал как достоинство. Он видел в ней соборную личность, национально-государственную целостность, основанную на объединяющей русской культуре.

П.Б. Струве не был официальным и заскорузлым консерватором. Однако его раздражала космополитическая устремленность революционной радикальной интеллигенции, игнорировавшей национальную принадлежность в угоду классовому подходу и политическим интересам момента. В работе «Интеллигенция и национальное лицо» (1909 г.) он указывал, что левая русская интеллигенция хочет создать не русскую, а российскую социал-демократическую партию и ради мнимого идеала «справедливой государственности» спрятать, «обесцветить» свою русскую принадлежность. Он писал: «Есть русская империя и есть русский народ... Ни один русский не скажет про себя, что он “российский человек”, а целая наирадикальнейшая партия (РСДРП) применила к себе это официальное “ультрагосударственное”, “ультраимперское” обозначение... Это значит: она хочет быть безразлична, бескровна в национальном отношении... Я и всякий русский, мы имеем... право на наше национальное лицо. ...Так же как не следует заниматься обрусением тех, кто не хочет “русеть”, так же точно нам самим не надо себя “оброссивать”» [16, с. 88]. П.Б. Струве оказался прав в своей критике радикальных установок в национальном вопросе. Как известно, после революции конструктивное осмысление национального вопроса надолго было сведено к узкоклассовому подходу. Это полностью расходилось с убеждением философа в том, что национальная культура не подчинена классовым интересам и не может быть на них замкнута. Напротив, «место всякого класса в народной жизни определяется его участием в национальной культуре»⁸.

В статье «Два национализма» (1910 г.) мыслитель критиковал представителей «казенного национализма», которые стремились отгородиться от нерусских элементов как чего-то совершенно не нужного и чуждого. П.Б. Струве называл такой национализм, присущий взглядам известного дореволюционного публициста М.О. Меньшикова (1859–1918), «национализмом отчаяния». Он видел в нём проявление слабости и недалёковидности, тем более что русским, как подавляющему большинству населения, не грозила, с его точки зрения, опасность раствориться в других национальностях. Философ указывал на существование двух национализмов: 1) свободного, творческого и созидательно – свойственного англосаксам; 2) закрытого, замкнутого и оборонительного – свойственного представителям еврейской нации. Выбирая из них, русские, по

---

⁸ См.: Струве П.Б. Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Вехи: сб. статей о русской революции / С.А. Аскольдов, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков и др. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1990. С. 249 [17].

его мнению, должны предпочесть первый. Русская политика должна руководствоваться открытым и творческим национализмом. При этом понятие «национализм» являлось для него тождественным патриотизму.

С точки зрения П.Б. Струве, русский народ, осуществляя те или иные положительные европейские заимствования, «превращал чужое в своё», творчески осваивая и воплощая новое в своей культурной жизни. Мыслитель любил приводить примеры преобразующего воздействия русской культуры на талантливых выходцев некоренного происхождения. Он указывал, что, осознавая себя гражданами России, они оказывали прогрессивное воздействие на развитие русской науки, культуры и управления. Выдающиеся представители немецкой национальности настолько погружались в русскую стихию, что поглощались ею без остатка. Императрица Екатерина II, пишет П.Б. Струве, являла собой ярчайший пример «творческой ассимиляции чужих сил в истории»⁹. Приехав в другую страну совсем молодой, она не только выучила трудный русский язык, но и заняла значительное место в русской литературе, приняв активное участие в формировании разговорного русского языка. Русская культура, восклицает философ, покорила себе Екатерину II, сыгравшую значительную положительную роль не только в государственно-политическом, но и в духовно-культурном развитии страны. Представители различных народов были «пленены, очарованы и покорены» русским духом и буквально растворялись в нём в культурном смысле. «Было же что-то в русской культуре и русском духе и исторической России, – восклицает мыслитель, – что покоряло таких людей и ставило их себе на службу»¹⁰.

Раскрывая тесную и органическую взаимосвязь между русской культурой и государством, философ не устал акцентировать внимание на том, что оно было плодом самоотверженного длительного исторического труда многих поколений культурных людей, созидавших Россию. Русское государство, указывал он, было бы невозможно «без благочестия Сергия Радонежского, дерзновения митрополита Филиппа, патриотизма Петра Великого, геройства Суворова, поэзии Пушкина, Гоголя и Толстого, самоотвержения Нахимова, Корнилова и всех миллионов русских людей, помещиков и крестьян, богачей и бедняков, бестрепетно, безропотно и бескорыстно умиравших за Россию» [17, с. 250]. Государство рассматривалось П.Б. Струве как начало оформляющее, как средство, с помощью которого национальная жизнь обретает возможность подлинной консолидации. Оно несёт в себе чувство нормы, что позволяет нации «упорным дисциплинированным трудом подниматься с одной ступени исторического бытия на другую»¹¹. Самые драгоценные плоды культуры, подчеркивал мыслитель, вырастают именно «на стволе государственности».

⁹ См.: Струве П.Б. Притягательная сила и внутренняя мощь русской культуры // Струве П.Б. *Patriotica. Россия. Родина. Чужбина*. СПб.: РХГИ, 2000. С. 204 [18].

¹⁰ Там же. С. 207.

¹¹ См.: Струве П.Б. *Апокалипсис против истории*. (Спор с Д.С. Мережковским) С. 71.

П.Б. Струве был далёк от идеи мессианского призвания или универсалистского предназначения России, о котором любили писать славянофилы и некоторые представители Серебряного века. Увидев Родину в кризисе и на грани гибели, он размышлял о том, что необходимо сделать, чтобы она не погибла, а выжила и сохранилась в истории как неповторимая коллективная личность. Мыслитель понимал, что Россия имеет свою уникальную историю и судьбу. Он относил её к странам, достаточно поздно ставшим на путь европеизации (с середины XVII века), достигшей общероссийского масштаба лишь к XIX столетию. Заслугу обретения Россией своей мощи и превращения её в сильную международную державу он, как уже было сказано, связывал с усилиями всего русского народа и с выдающейся ролью русской государственности во всех сферах жизни – религиозной, культурной, геополитической. Вместе с тем он указывал, что к концу XIX века прогрессивное развитие страны столкнулось с серьезными препятствиями, внутренними роковыми обстоятельствами: 1) отсутствием органической связи между государством и культурными слоями общества; 2) запоздавшей крестьянской реформой.

Отрыв широких культурных слоев от управления государством мыслитель объяснял тем, что царское правительство на протяжении столетий очень ревниво относилось к самой возможности поделиться хоть толикой власти с земельным дворянством, классом, «который творил русскую культуру». Дворянство же, наблюдая за развитием Европы и видя там активное участие культурных слоев в государственном управлении, испытывало чувства невостремленности, обиды и ущербности. В итоге оторванный от управления культурный класс стал противопоставлять себя власти, и если одна его часть смирилась с существующим положением вещей, то другая – стала противодействовать власти. Она вместе с появившимися во второй половине XIX века разночинцами сформировала и развила «враждебный государству дух» и особое, порожденное позитивизмом мировоззрение «безрелигиозного отщепенства». Радикальная часть интеллигенции стала видеть в государстве монстра (или Зверя по Д.С. Мережковскому), начисто отменяя мысли о созидательной и защитной функции государственного устройства. В сознании этой интеллигенции, указывал П.Б. Струве, сформировался и активно утверждался ядовитый «противогосударственный дух», который в период военных неудач в мировой схватке стал активно внедряться и пропагандироваться в солдатской среде. В упрощенном сознании одержимой ненавистью к власти радикальной интеллигенции государство как культурная сила исчезло.

Другое роковое обстоятельство в развитии страны П.Б. Струве связывал с задержкой в отмене крепостного права, запоздавшей на сто лет. Это обусловило длительное сохранение архаичной крестьянской общины, препятствовавшей развитию частной земельной собственности и становлению культуры мелкого земледельца-собственника. Мыслитель трактовал борьбу против земельной общины как борьбу за начала экономической свободы, без которой невозможна свобода политическая. Частное земельное крестьянское хозяйство, которое по-

ощрял П.А. Столыпин, рассматривалось им как шаг к более производительной хозяйственной системе, где востребован принцип более высокой степени «личной годности». Без эксцессов и революций это хозяйство должно было, по его мнению, постепенно формировать у сельского труженика инициативность, хозяйственную предприимчивость, личную ответственность, добросовестность, расчетливость и т.д. Но реформа слишком запоздала, и простой русский крестьянин, существовавший до реформы «без права и без прав», «не развил в себе ни сознания, ни инстинкта собственности»¹². Живший общинным коллективистским сознанием, он понял социалистические и марксистские идеи классового равенства, указывал философ, как призыв к простому разделу имущества, как примитивное перераспределение собственности и откликнулся на этот призыв. Внедренный в массы марксистский лозунг классовой борьбы, выдвинутый интеллигенцией и подхваченный темной толпой, стал для России, с точки зрения Струве, лозунгом разрушающим. Он разложил нацию, противопоставив государственности и принципу «личной годности» идею «безответственного равенства» и дележа. Внедренный в массовое сознание как наднациональная ценность, он подтолкнул крестьян к ниспровержению великого государства и его национальной культуры, опрокинув Россию назад в XVI век. «Русская революция, – с горечью констатировал П.Б. Струве, – первый в мировой истории случай торжества интернационализма и классовых идей над национализмом и национальной идеей» [17, с. 249]. В конечном счете, философ видел революцию порождением, с одной стороны, левого европейского социалистического проекта, а с другой – результатом цивилизационных особенностей России, которые, в своём единении, были направлены против западного капитализма вообще и против русского царизма, как формы его проявления.

Не только П.Б. Струве, но и другие его выдающиеся современники задумывались над причинами торжества классового интернационализма и отсутствия внятного русского национального самосознания у широких слоев населения в начале XX века. Так, Г.П. Федотов находил причины слабости национального самосознания в углублявшемся культурном расколе нации, начиная с петровских времен. Именно тогда, по его мнению, Россия перестала быть понятной русскому народу, который не представлял себе ни ее границ, ни ее задач, которые были ясны для него в Московском царстве. «Выветривание государственного сознания, – писал Г.П. Федотов, – продолжалось непрерывно в народных массах за два века империи» [19, с.129]. Во многом сходными причинами слабость русского национального самосознания объяснял С.Л. Франк. Он видел в нём плод истории XVIII и XIX веков, на протяжении которых краткие вспышки патриотизма сменялись длительными периодами полного национального индифферентизма. «Мы росли и жили, – указывал С.Л. Франк, – в атмосфере равнодушия к проблеме национального бытия: идеи национализма и патриотизма. Лозунги о защите государства от внешних и внутренних врагов

¹² См.: Струве П.Б. Исторический смысл русской революции и национальные задачи. С. 241.

казались только лицемерным прикрытием реакционных мероприятий и вождельней власти, и над ними было принято смеяться» [20, с. 483].

В условиях заснувшего национального самосознания и классовой пропаганды П.Б. Струве оказался настоящим Дон-Кихотом русского патриотизма. Он шел наперерез господствующим мнениям и со свойственной ему духовной самостоятельностью и стойкостью проповедовал патриотизм, критиковал украинский национализм, раскрывал объединяющую роль русского языка в жизни страны. России, её истории, экономике и культуре, её ученым, философам, писателям, поэтам и выдающимся государственным деятелям посвящены многочисленные очерки и публицистические статьи мыслителя. Одним из ярких выражений его взглядов стала статья «Великая Россия» (1908 г.). В ней Российская империя понималась как великая ценность, которую надо сохранять и развивать. Задачу же русского народа Струве связывал с обретением им «духа истинной государственности»¹³. «То, чему была подчинено его служение, – указывал С.Л. Франк, – была родина и её благо. В среде русской радикальной интеллигенции он был первым человеком, отчетливо осознавшим себя русским патриотом и проповедовавшим ... сознательный патриотизм, предполагавший осознание ценности самого национального бытия, как такового, и тем самым его организации в лице государственности» [20, с. 365].

В бурном водовороте истории начала XX века государственное мышление и патриотизм П.Б. Струве не были популярны. Государственный деятель, ратовавший за Великую Россию, на которого он возлагал столько надежд, – П.А. Столыпин – погиб от руки террориста. Идеологически только небольшой круг философов и публицистов – авторы сборника «Вехи», «Из глубины» и либерал-консерваторы критиковали дух национально-государственного разрушения и «любовь к дальнему» радикальной интеллигенции. Но эти мыслители оказались в ситуации одиночества, так как основное политическое противоборство разворачивалось между крайне левыми и крайне правыми силами. Их либеральные и умеренные идеи могли быть востребованы для мирной жизни, но не в период порожденной войной революции.

Анализируя культурные причины русской революции, философ связывал их со слабостью государственной власти в период смуты, и с тем, что политики прошедших времён были «недостаточно верны национальному духу, были беспечны и ленивы в национальном делании»¹⁴. В крушении исторической России он видел не только общую беду, но и объединяющую всех вину, требующую искупления через патриотическое служение. В конце жизни П.Б. Струве осознавал невозможность возвращения к старым порядкам и реставрации. Тем не менее постоянными в его размышлениях о будущем устройении России остались идеи прочно огражденной свободы личности и сильной правительствен-

¹³ См.: Струве П.Б. Великая Россия. Из размышлений о проблеме русского могущества // Струве П.Б. *Patriotica*. Россия. Родина. Чужбина. СПб.: РХГИ, 2000. С. 49 [21].

¹⁴ См.: Струве П.Б. *Дневник политика (1925–1935)*. С. 96.

ной власти. Во время Второй мировой войны он искренне желал победы России над фашизмом и ратовал не за её возвращение к прошлому, а за новое национальное возрождение страны. «В деле спасения родины, – писал мыслитель, – нужно не восстановление, не починка, не реставрация, а – возрождение» [12, с. 78]. Это возрождение мыслилось им как культурный рост, как преодоление русскими людьми своей «духовной безродности».

В заключение подчеркнем, что П.Б. Струве являл собой тип мыслителя-государственника, видевшего в этом социальном институте охранительную оболочку национальной культуры. Государство для него – это некая «коллективная личность», причем личность соборная, стоящая выше всякой личной воли. И если нация есть «культурная индивидуальность», проявляющая себя в культурном творчестве, то государство есть «культурная сила» способствующая образованию и дальнейшему развитию нации. Важной характеристикой уровня национальной культуры оказывалась у него свобода индивида, признание неотъемлемых прав личности. «Понимающая» методология мыслителя позволила ему высветить основные культурные смыслы трагических событий отечественной истории начала XX века. В своих размышлениях, как никто другой, он сумел раскрыть духовные особенности различных действующих сил и слоёв империи, которые порождали как великие созидательные этапы в жизни России, так и катастрофические потрясения. Уделяя особое внимание исторической и цивилизационной специфике страны, он показал национально-культурное своеобразие русской революции. Для философа было характерно понимание меры в осмыслении любого социального вопроса. Он стремился избегать всякой крайности и предпочитал насильственной радикальной ломке компромисс, исходящий из традиций исторической преемственности. Именно поэтому он стоял над ультранационализмом и над безнародностью, над революционным радикализмом и над догматическим консерватизмом, войдя в историю, по верному замечанию А.А. Ермичева, как «неозападник и патриот»¹⁵. П.Б. Струве оказался плодотворным критиком антигосударственного экстремизма и апологетом отечественной культуры. Он указал на неотъемлемое условие прогрессивного развития страны, – прочную опору на исторические и духовные традиции: условие, не понятое ни революционерами 1917-го, ни реформаторами 1991-го годов. Мыслитель завещал критерий оценки любых реформ и политических преобразований в России – их соответствие практическим государственным интересам страны, расцвету её культуры и экономики, росту в ней гражданской свободы и возрождению её народа.

Список литературы

1. Гайденок П.П. Под знаком меры (либеральный консерватизм П.Б. Струве) // Вопросы философии. 1992. № 12. С. 54–62.
2. Гнатюк О.Л. П.Б. Струве как социальный мыслитель. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. 375 с.

¹⁵ См.: Ермичев А.А. Вопрос о патриотизме в русской мысли начала первой мировой войны. С. 182.

3. Головин Я.Б. Философские и социальные воззрения С.Б. Струве: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М.: МГУ, 2001. 22 с.
4. Жуков В.Н. Струве П.Б. // Русская философия. Энциклопедия. М.: Мир философии, 2020. С. 692–694.
5. Кантор В.К. Петр Струве: Великая Россия, или утопия, так и не ставшая реальностью // Вестник РХГА. 2010. Т. 11, вып. 4. С. 161–178.
6. Пайпс Р. Струве: левый либерал. 1870–1905. Т. 1. М.: Московская школа политических исследований, 2001. 552 с.
7. Пайпс Р. Струве: правый либерал. 1905–1944. Т. 2. М.: Московская школа политических исследований, 2001. 680 с.
8. Повилайтис В. Струве в эмиграции об истории и историческом познании // Известия Саратовского университета. Сер.: Философия. Психология. Педагогика. 2010. Т. 10, вып. 2. С. 38–41.
9. Пучкова И.С. Тема России у П.Б. Струве в журнале «Русская мысль»: автореф. дис. ... канд. филос. наук. СПб.: СПбГУ, 2008. 22 с.
10. Хашковский А.В. Петр Бернгардович Струве (1870–1994) // Струве П.Б. *Patriotica*. Россия. Родина. Чужбина. СПб.: РХГИ, 2000. С. 323–349.
11. Ермичев А.А. Вопрос о патриотизме в русской мысли начала первой мировой войны // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2014. Т. 15, вып. 4. С. 179–190.
12. Струве П.Б. *Дневник политика (1925–1935)*. М.: Русский путь; Париж: YMCA-Press, 2004. 872 с.
13. Струве П.Б. В чём же истинный национализм? // Струве П.Б. *Patriotica*. Россия. Родина. Чужбина. СПб.: РХГИ, 2000. С. 8–23.
14. Струве П.Б. О государстве // Струве П.Б. *Patriotica*. Россия. Родина. Чужбина. СПб.: РХГИ, 2000. С. 50–58.
15. Струве П.Б. Апокалипсис против истории. (Спор с Д.С. Мережковским) // Струве П.Б. *Patriotica*. Россия. Родина. Чужбина. СПб.: РХГИ, 2000. С. 59–71.
16. Струве П.Б. Интеллигенция и национальное лицо // Струве П.Б. *Patriotica*. Россия. Родина. Чужбина. СПб.: РХГИ, 2000. С. 88–91.
17. Струве П.Б. Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Вехи: сб. статей о русской революции. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. С. 235–250.
18. Струве П.Б. Притягательная сила и внутренняя мощь русской культуры // Струве П.Б. *Patriotica*. Россия. Родина. Чужбина. СПб.: РХГИ, 2000. С. 203–208.
19. Федотов Г.П. Революция идет // Федотов Г.П. Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры: в 2 т. Т. I. СПб.: Изд-во «София», 1991. С. 126–172.
20. Франк С.Л. Воспоминания о П.Б. Струве // Франк С.Л. Непрочитанное ...: статьи, письма, воспоминания. М.: Моск. шк. полит. исслед., 2001. С. 349–582.
21. Струве П.Б. Великая Россия. Из размышлений о проблеме русского могущества // Струве П.Б. *Patriotica*. Россия. Родина. Чужбина. СПб.: РХГИ, 2000. С. 34–49.

References

1. Gaydenko, P.P. Pod znakom mery (liberal'nyy konservatizm P.B. Struve) [Under the measure sign. (The liberal conservatism of P.B. Struve)], in *Voprosy filosofii*, 1992, no. 12, pp. 54–62.
2. Gnatyuk, O.L. *P.B. Struve kak sotsial'nyy myslitel'* [Struve as a national thinker]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo SPbGU, 1998. 375 p.
3. Golovin, Ya.B. *Filosofskie i sotsial'nye vozzreniya S.B. Struve*. Avtoref. diss. ... kand. fil. nauk [Philosophy and social views of P.B. Struve. Cand. philos. sci. diss. abstr.]. Moscow: MGU, 2001. 22 p.
4. Zhukov, V.N. Struve P.B. [Struve P.B.], in *Russkaya filosofiya. Entsiklopediya* [Russian philosophy. Encyclopedia]. Moscow: Mir filosofii, 2020, pp. 692–694.
5. Kantor, V.K. Petr Struve: Velikaya Rossiya, ili utopiya, tak i ne stavshaya real'nost'yu [Peter Struve: great Russia, or utopia that never became a reality], in *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii*, 2010, vol. 11, issue 4, pp. 161–178.

6. Payps, R. *Struve: levyy liberal. 1870–1905* [Struve: left-wing liberal. 1870–1905]. Moscow: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy, 2001, vol. 1. 552 p.
7. Payps, R. *Struve: pravyy liberal. 1905–1944* [Struve: right-wing liberal]. Moscow: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy, 2001, vol. 2. 680 p.
8. Povilyaitis, V. Struve v emigratsii ob istorii i istoricheskom poznanii [Struve in exile about history and historical Knowledge], in *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika*, 2010, vol. 10, issue 2, pp. 38–41.
9. Puchkova, I.S. *Tema Rossii u P.B. Struve v zhurnale «Russkaya mysl'»*. Avtoref. diss. ... kand. filos. nauk [The theme of Russia in PB Struve in the magazine “Russian thought”. Cand. philos. sci. diss. abstr.]. Saint-Petersburg: SpbGU, 2008. 22 p.
10. Khashkovskiy, A.V. Petr Berggardovich Struve (1870–1994) [Petr Berggardovich Struve (1870–1944)], in Struve, P.B. *Patriotica. Rossiya. Rodina. Chuzhbina* [Patriotica. Russia. Homeland. Foreign land]. Saint-Petersburg: RKhGI, 2000, pp. 323–349.
11. Ermichev, A.A. Vopros o patriotizme v russkoy mysli nachala Pervoy mirovoy voyny [The question of patriotism in Russian thought at the beginning of the First World War], in *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii*, 2014, vol. 15, issue 4, pp. 179–190.
12. Struve, P.B. *Dnevnik politika (1925–1935)* [Diary of a politician (1925–1935)]. Moscow: Russkiy put'; Parizh: YMCA-Press, 2004. 872 p.
13. Struve, P.B. V chem zhe istinnyy natsionalizm? [What is true nationalism?], in Struve, P.B. *Patriotica. Rossiya. Rodina. Chuzhbina* [Patriotica. Russia. Homeland. Foreign land]. Saint-Petersburg: RKhGI, 2000, pp. 8–23.
14. Struve, P.B. O gosudarstve [About the state], in Struve, P.B. *Patriotica. Rossiya. Rodina. Chuzhbina* [Patriotica. Russia. Homeland. Foreign land]. Saint-Petersburg: RKhGI, 2000, pp. 50–58.
15. Struve, P.B. Apokalipsis protiv istorii. (Spor s D.S. Merezhkovskim) [Apocalypse vs. history (Dispute with SD Merezhkovsky)], in Struve, P.B. *Patriotica. Rossiya. Rodina. Chuzhbina* [Patriotica. Russia. Homeland. Foreign land]. Saint-Petersburg: RKhGI, 2000, pp. 59–71.
16. Struve, P.B. Intelligentsiya i natsional'noe litso [The intelligentsia and the national face], in Struve, P.B. *Patriotica. Rossiya. Rodina. Chuzhbina* [Patriotica. Russia. Homeland. Foreign land]. Saint-Petersburg: RKhGI, 2000, pp. 88–91.
17. Struve, P.B. Istoricheskiy smysl russkoy revolyutsii i natsional'nye zadachi [Historical meaning of the Russian revolution and national tasks], in *Vekhi: Sbornik statey o russkoy revolyutsii* [Milestones. Collected papers about the Russian revolution]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1990, pp. 235–250.
18. Struve, P.B. Prityagatel'naya sila i vnutrennyaya moshch' russkoy kul'tury [The attractive power and inner power of Russian culture], in Struve, P.B. *Patriotica. Rossiya. Rodina. Chuzhbina* [Patriotica. Russia. Homeland. Foreign land]. Saint-Petersburg: RKhGI, 2000, pp. 203–208.
19. Fedotov, G.P. Revolyutsiya idet [The revolution is coming], in Fedotov, G.P. *Sud'ba i grekhi Rossii. Izbrannye stat'i po filosofii russkoy istorii i kul'tury. V 2 t., t. I* [Fate and sins of Russia. Selected article on the philosophy of Russian history and culture. In 2 vol., vol. I]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo «Sofiya», 1991, pp. 126–172.
20. Frank, S.L. Vospominaniya o P.B. Struve [Memories of P.B. Struve], in Frank, S.L. *Neprochitannoe ...: stat'i, pis'ma, vospominaniya* [Unread ...: articles, letters, memories]. Moscow: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy, 2001, pp. 349–582.
21. Struve, P.B. Velikaya Rossiya. Iz razmyshleniy o probleme russkogo mogushchestva [Great Russia. From reflections on the problem of Russian power], in Struve, P.B. *Patriotica. Rossiya. Rodina. Chuzhbina* [Patriotica. Russia. Homeland. Foreign land]. Saint-Petersburg: RKhGI, 2000, pp. 34–49.